

ДЕТИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Блокадный ребёнок Аллочка Платонова

Родилась Аллочка Платонова за полгода до начала Отечественной войны в декабре 1940 года и всю войну и все 900 дней блокады прожила в осаждённом городе вместе с родителями Платоновой Натальей Андреевной и Юрием Николаевичем. Проживает там и сейчас. «Мы выжили, – рассказывает Алла Юрьевна, – благодаря безграничной любви моих родителей. День снятия блокады Ленинграда 27 января до сих пор ежегодно отмечаем всей семьёй, как второй день рождения».

Все в семье Аллочки, как и она в будущем, были химиками, родители ещё до войны начали работать в лаборатории, где испытывали действие химических веществ типа зорин, иприт и др. В годы войны Юрий Николаевич, кадровый офицер, продолжал заниматься гражданской обороной в качестве замначальника химзащиты г. Ленинграда. Наталья Андреевна также была военнообязанной, и ей было предписано отправить дочь с домом малютки в эвакуацию, на что мать категорически отказалась. Женщина знала, что дети могут потеряться в дороге или погибнуть. Аллочке повезло, – она всю войну оставалась со своими родителями, при этом была обречена на нечеловеческие испытания, особенно нестерпимо голодными были зимы 1941 и 1942 годов. Преимущество было лишь в том, что самые близкие люди были рядом и имели возможность приласкать и успокоить, прижать к себе родное дитя.

«Мы жили в коммунальной квартире в Усачёвом переулке с родственниками отца. Мама получала хлеб на всю большую семью, но его было так мало, что для развешивания достаточно было односторонних аптекарских весов. С замиранием сердца домочадцы внимательно наблюдали за делёжкой хлеба, подбирая каждую крошку. Этими весами мама дорожила до конца своих дней. Сейчас они, как реликвия, хранятся в нашей семье».

Однажды зимой 1941 года в дом попала бомба, здание было разрушено. Семья из трёх человек получила ордер на другую квартиру, брошенную эвакуированными жильцами, по улице Гоголя. Переезд был назначен на 31 декабря. Нужно было успеть переселиться до 5 часов утра. «Родители очень торопились. Меня положили в детскую ванночку и везли по снегу, как самый ценный груз. А в мальпосте, так называлась детская коляска, перевезли нужные, оставшиеся после бомбёжки, вещи. Вот и всё наше имущество. В этой квартире прошло моё несознательное и сознательное детство».

Семья жила в маленькой кухоньке, которая топилась тогда, когда находилось, чем топить. А комната с выбитыми окнами, в которой царил промозглый холод, была завалена вещами прежних жильцов. «Сюда я ходила «гулять», закутанная в разные тряпки. Тут я разговаривала с «кисками», так я называла серых кошечек, которые лазали по стенам, грызли двери и рамы и рвали шерстяные вещи. Потом я узнала, что это были не кошечки, а голодные крысы, проживающие с нами в одной квартире. Только крысам тогда и было чем утолить голод», – вспоминает Алла Юрьевна. Малышка и не догадывалась, что у других ленинградских детей ещё недавно была совсем другая жизнь – сытая, с куклами и конфетами.

Чтобы согреть ребёнка, мать ставила кровать прямо на печь, а сама, уставшая и измученная голодом, спала возле печи. В отсутствие матери кровать от взрывной волны часто падала с печки вместе с ребёнком. Мать заставляла дочь сидящей на полу, с улыбкой сообщаящей: «Немцы, бах». Всякий раз, возвращаясь домой, Наталья Андреевна испытывала страх за надолго оставленную в полупустом доме дочь, ведь здание располагалось в 300 метрах от Исаакиевского собора, который фашисты бомбили нещадно. Входную дверь тогда уже никто не закрывал, вдруг на минутку вырвется со службы муж. Однако участились случаи людоедства, особенно детей. Со слов своей матери, Алла Юрьевна рассказывает о судебном процессе над женщиной с помутившимся от голода разумом, обвинённой в людоедстве. После этого случая мать перестала оставлять ребёнка одного дома и повсюду водила за собой.

Многие жители блокадного Ленинграда настолько привыкли к рёву сирены и звукам метронома – сигналам тревоги в радиоприёмнике, что перестали на них реагировать, – так ничтожна была цена жизни. Аллочке был знаком звук метронома, она его помнит до сих пор, – тогда оставшиеся в живых и имеющие силы передвигаться выбегали из своих домов. Однако Наталья Андреевна, услышав сигнал тревоги, а чаще это происходило по ночам, рисковала жизнью дочери и своей и в бомбоубежище не уходила. Она считала, что испуганные люди, бегающие туда – сюда в панике с котомками и узлами в бомбоубежище, растрчивали последние силы. Женщина старалась сберечь силы и расходовать их только на дело. А дел было много: растить и кормить ребёнка, ежедневно выстаивать многочасовые очереди, чтобы отovarить хлебные карточки, под рёв вражеских самолётов, грохот взрывающихся бомб, падающих зданий, звон битого стекла. Нужно было где-то добывать дрова: это была мебель из пустующих квартир и доски от разбитых заборов, носить ежедневно по два ведра воды из реки Невы. А воды требовалось много: постирать пелёнки, вымыть ребёнка и просто пить, поскольку есть было нечего.

Иждивенческой карточки матери на мизерную пайку хлеба и соевое молоко на ребёнка, которые отovarивались в гостинице «Астория», не хватало на двоих. Аллочка заболела болезнью Боброва, похожей на цингу. Дёсна покрылись язвочками, она перестала ходить и говорить, глаза вылезли из орбит, ребёнок быстро угасал. Девочка производила такое ужасающее впечатление, что мать, выходя на улицу, прикрывала её лицо пелёнкой. В педиатрическом институте, который тогда располагался возле Финляндского вокзала, матери предложили оставить ребёнка здесь, надежды на выживание не было. На что мать ответила отказом. Спасло Аллочку активное вмешательство отца, который поднял на ноги знакомых фармацевтов и с большим трудом добыл аскорбиновую кислоту (витамин С). Действие аскорбинки было так велико, что девочка быстро пошла на поправку. Казалось, что киноплёнка её жизни прокрутилась в обратную сторону: глаза заняли положенное место, вылечились дёсна, она вновь научилась ходить и говорить. Осталось только косолапость, но с этим жить можно. Аллочку прозвали косолапым гномиком.

Юрий Николаевич понимал, что надо спасти семью. Несмотря на своё значимое положение в осаждённом городе, он, преодолевая стыд, тайком собирал остатки недоеденного в офицерской столовой, всё сливая и сыпая в бутылку. Находясь на казарменном положении,

он приносил еду, когда мог. Но семья была рада и этому прокисшему месиву, ведь у других и этого не было. При появлении отца Аллочка бросалась ему на шею со словами: "Принёс бутылочку"? Не всегда отцу удавалось что-либо принести домой, но девочка всегда ждала заветную бутылочку. Удивительно, но от такой пищи, считает Алла Юрьевна, никто не страдал расстройством желудка. Хотя дистрофию и дизентерию всё равно не избежали. Такой массовой дистрофии, как у блокадников, мир ещё не знает.

Наталья Андреевна искала всякие пути раздобыть пропитание. Как-то раз повезло: удалось обменять беличью шубку и серебряные ложки на муку. Под раскатами артобстрела поздно вечером она отправилась по указанному адресу. Она спустилась в подвальное помещение, открыла дверь, и на неё пахнуло таким вкусным теплом и ароматом горячих лепёшек, что женщине стало дурно, и она потеряла сознание. Хозяйка оказалась «не жадной», она отсыпала большой кулёк муки. С этим пакетом, тесно прижатым к груди, радостная Наталья Андреевна бежала домой по пустынным улицам, минуя городские развалины, и очень боялась, как бы «лихие» люди, которых выпустили из тюрем из-за отсутствия питания, не отняли её богатство. И это были счастливые моменты. Но было и по-другому: на спиртовке для химических опытов грелось жалкое подобие супа из ядовито вонючего столярного клея и кусочков кожи от ремешков. Этот студень сверху заливался олифой. Та же спиртовка с пробиркой служила источником света в доме.

Наконец Наталье Андреевне удалось устроиться на работу паспортисткой рядом с домом. Теперь жить стало легче, появилась рабочая карточка – 250 гр. хлеба в день. Мать брала с собой на работу ребёнка, и Аллочка рассказывала всем подряд сказку про курочку рябу, за что получала крошечные кусочки вкусного вознаграждения от благодарных слушателей. Девочка подружилась с мальчиком Борей из соседнего дома. Оба они страдали рахитом. «Ходили с Борей, взявшись за ручки, чтобы поддерживать друг друга. Наверное, мы были неотразимой парой, – шутит Алла Юрьевна. – Наши мамы дружили, они вместе кололи лёд, убирали мусор, тушили зажигательные бомбы на крышах, увозили умерших, оформляли документы. Всё это делали хрупкие женщины, изнурённые голодом, с чесоткой и во вшах из-за отсутствия воды, переболевшие цингой и очень плохо одетые. Из одежды у моей мамы были фетровые сапожки, надетые на портянки, и ватник, и это при сорока градусах мороза».

Кусок мыла и баня были большой редкостью. Алла Юрьевна вспоминает случай о мытье в общественной бане: «В женский банный день привели взвод солдат. Истощённые дистрофией женщины и измождённые мужчины не смотрели друг на друга, им было не до чувства стыда, всех объединяла одна заветная цель – помыться, пока есть вода».

Умерших от голода и болезней людей свозили в общую братскую могилу. Однако бывали случаи, когда родственники не хоронили покойников и до конца месяца жили с ними в одной квартире. Причина понятна: воспользоваться хлебной карточкой умершего. Такая же история случилась и в семье Аллочки. Прабабушка девочки перед самой войной приехала проведать ленинградскую родню и посмотреть новорождённую. Плотное сжатое кольцо вражеских фронтов вокруг города не выпустило старушку, и та навсегда осталась в земле ленинградской. Обезумев от голода, она снимала чулки и наматывала их на шею. При этом каким-то образом добытый кусочек сахара, самое сокровенное, что тогда могло быть, она не тронула, – перед смертью оставила его в сахарнице для своей правнучки. И ещё несколько дней её хлебная карточка поддерживала «благодарных» за столь щедрый подарок родственников.

К концу войны взрослые заботы легли на плечи пятилетнего ребёнка: сейчас трудно поверить, но в обязанности детей входило стояние в бесконечных очередях за мукой, хлебом, мылом, солью, спичками, за кулком угля и бутылкой керосина. Самостоятельные

выходы на улицу доставляли Аллочке большое удовольствие, несмотря на многочасовые очереди на морозе или под дождём. Таким образом она отвлекалась от постоянного чувства голода. Проходя мимо витрин магазинов, она мечтала о нарядном платьице и красивых туфельках, которые мама купит ей, когда кончится война и когда у них будет много денег. А главное – много хлеба.

Блокада осаждённого города поставила людей на грань жизни и смерти, когда полностью теряются физические и душевные силы, а с ними и мечты. Но, к счастью, с

Аллочкой такого не произошло. Эта жизнерадостная девочка умела озорно смеяться и радоваться жизни. Она с удовольствием занималась художественной самодеятельностью, проявила интерес к русским народным танцам, была большой любительницей рисования и кукольного театра, – с удовольствием посещала самые разные кружки в школе и в доме пионеров.

Немецкие диверсанты проникали в город, катались на велосипедах и разбрасывали листовки – паспорта на русском языке с предложениями о сотрудничестве, зазывали к себе детей и подростков. И не всегда безрезультатно, но это всего лишь исключение.

Война закончилась, пришло время идти в школу. Переболев рахитом, цингой, дистрофией, потерей зрения, слуха и речи, блокадным детям приходилось заново учиться ходить и говорить. Истощённые дети выглядели ущербными во всех отношениях по сравнению с приезжими ребятишками. Ребятишек в городе прибавилось за счёт притока большого числа семей строителей, которые разбирали завалы на улицах и восстанавливали прежнее величие бывшей столицы России. «На уроках я всегда ждала перемены, чтобы скорее съесть завтрак», – рассказывает Алла Юрьевна, – так случилось и на уроке немецкого языка. К концу урока я стала подсчитывать мелочь, чтобы купить в буфете булочку. Ирена Адольфовна это заметила. Обрусевшая немка, блокадница, у которой на глазах немцы расстреляли сына и мужа, была чрезвычайно строга. Разгневанная учительница подошла ко мне, сдёрнула косынку с моей забинтованной головы и вытолкала за дверь. После этого учить «немецкий» совсем расхотелось». Бинты появились на голове у Аллы в результате сильного обморожения, которое она получила в бесконечных очередях. «Болели отмороженные руки, ноги, нос, лицо. Текли уши, и мама их забинтовывала, а сверху завязывала косынку. Таким «зайцем» я ходила в школу, поскольку болезни не являлись причиной не посещать уроки», – продолжает Алла Юрьевна. Бессловесные, запуганные войной дети и дома не могли пожаловаться на обидчиков, – жалобы детей родители не поощряли. И всё же школу Аллочка благополучно закончила и получила долгожданный аттестат. А потом начала работать, одновременно обучаясь в ВУЗе. Занялась спортом, и следа не осталось от «заторможенного заморыша».

«Есть хотелось ещё долго после войны, голод меня преследовал всё время, – вспоминает Алла Юрьевна, – я не отходила от стола и никак не могла наесться. Я доедала за своим младшим братом, родившимся после войны слабеньким и болезненным. Для меня не

было невкусной пищи, я постоянно ела и ела. Все карманы одежды были забиты хлебными крошками. Бывало так, что на оставшиеся копейки я покупала самую дешёвую булочку и с жадностью набрасывалась на неё, чтобы заглушить голод. Но это был уже не голод, а память о нём. К зрелому возрасту я, наконец, наелась. Мы в блокаду насиделись на диете на всю оставшуюся жизнь. Теперь я никаких диет не признаю».

По-настоящему учиться пришлось после войны – окончила школу, затем, как и родители, химический факультет института. Всю трудовую жизнь Алла Юрьевна занималась химическим анализом металлов, жидкостей, аэрозолей.

– *Что Вы помните из блокадной пищи?*

– кроме хлеба, ничего. Психологически труднее было перенести блокаду детям в сознательном возрасте, ведь им было с чем сравнивать. А нам малышам было легче, ведь мы думали, что так должно быть всегда. Голод – это самая жестокая проверка человеческих отношений, которую с честью выдержали мои родители. И я преклоняю голову перед ними. Я им обязана своей жизнью.

– *Как живётся, Алла Юрьевна?* – В последние годы, с уходом из жизни отца и его друзей, осталась одна мать Наталья Андреевна Платонова. Но недавно в возрасте 90 лет и она ушла из жизни. Нас

всегда удивляло и восхищало их терпение, мужество, и при этом они сумели сохранить замечательное чувство юмора. Мама утверждала, что героизм и мужество были вынужденными, и скромно добавляла, что ничего тут особенного нет, люди должны уметь стойко переносить выпавшие на их долю тяготы жизни. Родители ушли из жизни, но мы бережём память о них, чтобы знали и помнили наши внуки и правнуки. Родители Аллы Юрьевны Платоновой были награждены медалями «За оборону Ленинграда».

Навёрстывая упущенное в детстве, Алла Юрьевна по сей день невероятно активна, и, как

говорится, «покой ей только снится», кстати, о нём она и не думает. Застать дома непоседливую женщину довольно проблематично: в свободное от работы и от воспитания подрастающего поколения время, она рисует, занимается в изостудии. Пейзажами жаркого лета, пёстрыми бабочками, нарядными жуками и яркими цветами изрисована русская печь и стены на её даче. Её можно было увидеть летящей в воздушном шаре над скалами Турции, в геологической экспедиции на Камчатку, Кавказ или Казахстан, с сотрудниками своей химической лаборатории она определяла залежи золота в Австралии или в экваториальной Африке, исследовала воды Азовского, Чёрного и Каспийского морей. На лыжах и на мотоцикле совершала восхождения на доступную высоту Эльбруса. А пару лет назад Алла Юрьевна несказанно удивила всех: осуществила свою давнюю мечту – научилась играть на баяне. А дело было так: купила подержанный баян, затащила тяжёлый инструмент в трамвай и поехала в ближайшую детскую музыкальную школу. Поражённый настойчивостью «деликатного возраста» ученицы, педагог взялся обучать её бесплатно. И теперь из квартиры новоиспечённой музыкантши звучат любимые мелодии её родителей, песни военных лет.

Кого часто можно встретить на выставках, в театрах, концертах, в музеях? Конечно – блокадников, им интересно всё. Много их и в поликлиниках: война «щедро» наделила типичными заболеваниями, вызванными длительным голоданием: стрессом, дистрофией, цингой. Многие не смогли иметь детей. Однако, всегда жизнерадостные, они крепко держатся за жизнь и готовы, не скупясь, поделиться со всеми своей стойкостью и выдержкой.

– *Где черпайте энергию?* – В творчестве, в общении с людьми. Я тружусь с 16 лет по сей день.

– *Вы говорите о специфических болезнях блокадников. Чем они отличаются?*

– Я часто вспоминаю моих дорогих родителей – мужественных людей. Моя мама Платонова Наталья Андреевна,

прожив 90 лет, всегда удивлялась тому факту, что медики мало изучали здоровье пациентов, переживших 900 дней блокады и всю войну. Поразительно, но во время войны исчезли все обычные заболевания мирного времени: язва желудка, рак, сахарный диабет и другие, они нас и сейчас не беспокоят. Мы страдали совсем от другого: от голодной дистрофии.

– *Как Ваши всегда занятые родители находили время на воспитание своих детей?* – Может показаться, что нашим родителям, занятым с утра до ночи тяжёлым трудом – восстановлением разрушенного города Ленинграда, не было дела до воспитания своих детей. Но это не так. Семья была главным воспитывающим фактором: поведение родителей, их отношение к жизни, к труду, уважение друг к другу, к старикам формировали наш характер. Кроме того, мы много времени проводили в школьном коллективе, в домах пионеров, в творческих кружках, – там мы учились общаться. Трудовыми навыками овладевали дома, поскольку домашний труд был на детях, а также в пионерских лагерях и на пришкольном участке. Окружающая среда – вот тот сосуд, в который попадает ребёнок. Здесь куется его счастье или несчастье, его мировоззрение.

– *Вы и сейчас продолжаете работать. Не пора ли отдохнуть?*

– Отпраздновав 70-летний юбилей в родном университете, я ушла с трудовой книжкой в руках, но не на заслуженный отдых, а на поиски новой работы. Привычка работать не отпускает наше поколение. Очень хочется быть полезным обществу, быть всегда в строю. И тут я столкнулась с возрастным цензом. После серьёзной исследовательской работы в химической лаборатории мне предлагалась работа в гардеробах, уборка помещений, в сетевом маркетинге. Успокоилась я лишь тогда, когда стала волонтером в детском благотворительном фонде. В этом фонде работы – непочатый край, а заработок мизерный. Но здесь я получила то, что хотела – почувствовала себя востребованной.

– *Хватает ли времени на творчество?* – Работа отнимает много сил, но для творчества всегда можно найти время. С друзьями – бывшими блокадниками, мы навёрстываем то, чего были лишены в детстве: посещаем выставки, театры, музеи, и это всегда приносит удовлетворение, даёт полёт для новых творческих замыслов. Оказывается, в почтенном возрасте есть свои прелести.

– *Как Вам удаётся дружить с детьми и внуками?* – Жаль, что время наше всё стремительнее набирает обороты. Но мы не сдаёмся и раскручиваем спираль в обратную сторону. Собственное здоровье во

многим зависит от здоровья наших детей и внуков. А также от взаимоотношений с ними. Зачастую, хочется поучить их жить, подсказать, упрекнуть за их недостаточное внимание к себе. Но делать это надо ненавязчиво. А чаще всего – лучше промолчать и заняться своими делами. А посудачить можно и с подругами. Моё правило: не советуй, если тебя об этом не просят, не навязывай свою помощь, если не просят. На то и есть старшее поколение, чтобы проявить житейскую мудрость. А порой достаточно просто рассмеяться, и недоразумение исчезнет. И только терпение может уберечь нас от отчуждения друг с другом. Предъявлять претензии молодёжи в том, что они нам чем – то обязаны, не стоит. Они нам ничего не должны. Молодые живут в своём ритме жизни, загружены своими житейскими делами, заботами о своих детях, много работают. Лучше не беспокоить их лишним раз. Быть мамой и бабушкой – это тоже работа. Надо, чтобы дети и внуки чувствовали, что у них есть тыл, запасной аэродром, куда всегда можно приземлиться.

– *На чём основан Ваш оптимизм?* – Мы, поколение 40-х годов, всю жизнь шагали по ней в борьбе за эту жизнь и закалились в борьбе. В экстремальных условиях блокадного ада выработалась выносливость и устойчивость к невзгодам, нездоровью и к прочим «не». Мы научились терпеть и не ныть, мы умеем радоваться жизни.

– *Сейчас много говорят о стрессах, как Вы справляетесь с ними?* – У меня их не бывает, – просто некогда.

– *Как всем нам справляться со стрессовыми ситуациями?*

– В них не попадать. Заниматься любимым делом, работать, творить, читать, путешествовать, постоянно быть занятым.

– *О чём мечтаете?* – У меня стало не так уж много времени, поэтому хочется ещё очень многое успеть, узнать, получить новые впечатления.

Вот откуда у блокадников столько оптимизма и жизненных сил: они умеют любить и радоваться жизни, как дети. Дети блокады искренне дорожат своей семьёй, дружбой. Им есть, что вспомнить, чем поделиться.

– *Что бы вы пожелали сегодня тем, кто никогда не знал войны?*

– Надо, чтобы никогда не повторилось трагическое прошлое. Чтобы унаследовали человеческие качества, благодаря которым выжили и победили защитники Ленинграда. Берегите детей! Берегите мир!

Посвящается моей матери
Волковой Валентине Васильевне
и сестре Нелли Михайловне
Шмелёвой (Потёмкиной).
Светлая память погибшим,
умершим от голода и тяжёлых ран воинам
и жителям блокадного Ленинграда,
взрослым и детям.

Нелличка Потёмкина и её спасение

К огромной радости молодых родителей ленинградцев Потёмкиных незадолго до войны у них родилась девочка Нелличка. Михаил работал на заводе, а Антонина (старшая сестра моей мамы) трудилась на тюлево-гардинной фабрике. Семья жила в достатке, имела большую комнату в коммунальной квартире. Но семейному счастью не суждено было быть долгим: грянула война. Отца мобилизовали на фронт, откуда он так и не вернулся живым, а мать продолжала работать на фабрике, только вместо изящной ткани теперь выпускали полотна для пошива военной формы и шинелей, да рабочий день стал бесконечным. Восьмого сентября 1941 года замкнулось вражеское кольцо вокруг Ленинграда, началась девятисотдневная блокада: непрерывные бомбёжки, не было света, тепла и воды, транспорт не работал, 125 граммов хлеба выдавали по карточкам. Антонина безмерно страдала, не имея возможности вырваться с работы домой. Так Нелличка попала в детский дом. Маму свою она не помнила и всякий раз путала с другими тётями.

Однажды после очередного налёта вражеской авиации здание фабрики было разрушено, начался пожар. Антонина получила тяжёлое ранение в голову. На мгновение она пришла в себя и увидев

раскиданных по цеху убитых, раненых и обгорелых людей. Очнулась в госпитале. Эту страшную бомбёжку Антонина Сергеевна не забывала всю жизнь. Антонина Сергеевна рассказывала, как тёмными ночами иногда она возвращалась с работы домой пустынными, неосвещёнными улицами, спотыкаясь о замёрзшие трупы; навстречу попадались истощённые, словно призраки, прохожие. Вспоминала, как её, обессиленную от голода и тяжёлого ранения, нередко навещали мародёры, ведь люди тогда не запирали двери.

Промозглый холод в пустующем, давно нетопленном доме, в котором хозяйничали крысы, да мучительный голод парализовали волю людей. Возникло равнодушие к надвигающейся смерти, люди настолько привыкли к бомбёжкам, к грохоту разрушающих зданий и мостов, к звону разбитого стекла, что перестали прятаться, да и сил спуститься в убежище не было. Трупы не закапывали, а перетаскивали в пустующие квартиры. Антонина Сергеевна испытала ужасы блокады и войны с первого до последнего дня.

Теперь свою маму Нелличка Потёмкина не увидит до конца войны. Осенью 1941 года началась эвакуация детей на Волгу, за Урал, в Сибирь. Единственный путь из блокадного Ленинграда на большую землю проходил через небольшой участок суши и воды Ладожского озера. Вражеская авиация денно и нощно бомбила буксиры, баржи и катера с красным крестом на борту,

на которых вывозили детей и раненых. Зимой фашисты решетила лёд, по которому проходила «дорога жизни», грузовики проваливались вместе с грузами и людьми. Тысячи ленинградцев погибли в ледяной купели.

Для Нелли эвакуация из осаждённого Ленинграда в город Котельнич Кировской области прошла благополучно. Однако и там кормить детишек было нечем, ели липкий хлеб, испечённый из лебеды и опилок, компот из моркови и ревеня, суп из крапивы, словом, питались всем, что было под ногами. От такой изнурительной «диеты»

началась дизентерия и дистрофия, дети обессилели, почти не двигались. А впереди ещё была зима, и, как оказалось, не одна...

Но Нелличке повезло: она не потерялась в дороге и не умерла от голода. Ей удалось выжить благодаря родственникам, проживающим в маленьком городке Солигаличе Костромской области, что в ста км от древнего русского города Галича. Здесь жила мать Антонины Сергеевны – Анна Павловна с младшей дочерью Валентиной, которой в начале войны было 15 лет и которая, таким образом, Нелличке приходилась родной тёткой. Самым удивительным и даже чудесным образом, несмотря на суровость первого года войны, в октябре 1941 года в Солигалич дошло известие из блокадного Ленинграда о ранении Антонины и эвакуации Нелли с детским домом в город Котельнич.

Не имея ни малейшего представления о месте нахождения неизвестного Котельнича, не догадываясь о трудностях пути, Валентина, которая сроду не выбиралась из родных мест и поездов не видела, отправилась пешком искать свою племянницу. Девушка и не подозревала, какие тяжёлые испытания ей придётся преодолеть. В узелок сложила пайку чёрного хлеба и бельё. Мать, сама плохо понимающая опасность предстоящего пути, не остановила малолетнюю дочь.

Дорога в сто км до железной дороги – областного центра Галича, оказалась куда сложнее, чем предполагалось изначально. Валюшка торопилась, нужно успеть до наступления осенних заморозков добежать до станции. Тряпичные из парусины туфли быстро пришли в негодность, на второй день оторвалась подошва. Привязав подошву верёвкой, она продолжала путь. Но и такая конструкция оказалась недолговечной: шла в чулках, которые вскоре превратились в лохмотья. Пришлось идти босиком. Однажды послышался стук телеги и хрип усталой лошади. Расспросив что да как, мужичок пригласил девушку в повозку, но не с целью подбросить пару км, а совсем с другими намерениями. Валентина смекнула, в чём тут дело, быстро спрыгнула и бросилась наутёк. А узелок остался в телеге.

Валентина вспоминала, с какой оторопью преодолевала дорогу сквозь беспросветный и длинный, как труба, еловый «акуловский» лес, где смело себя чувствовали только волки и медведи. Так прошла неделя пути. Ей приходилось отдыхать под кустами или в канавах, укрываясь от холода ветками. И только в одной деревушке после долгих расспросов девушке предложили кусок хлеба да колодезной воды и уложили спать на сене.

Валюшка добралась до Галича и разыскала ж.д. вокзал. Ей казалось, что все мытарства скоро закончатся, но они только начались. Товарняки, составы с зачехлённой техникой и солдатами на большой скорости неслись на запад к линии фронта. Попасть в проходящий поезд не было никакой возможности. Несколько дней девушка выбегала на перрон, слышав стук колёс. И всё же ей повезло: удалось протиснуться в вагон на минуту остановившегося поезда. Сколько времени прошло, Валентина не помнит, измученная она сидела в полузабытье на верхней полке вагона, порой теряя сознание от голода, усталости и боли в ногах. Зато хорошо помнит, что «в Котельнич поезд прибыл рано утром. Сочная заря освещала узкие, позолоченные пожелтевшей листвой улицы небольшого уютного городка. Здесь царили такой покой и умиротворение, что казалось, – никакой войны нет. Студёная осенняя прохлада пощипывала щёки, жгучая роса обжигала вспузырившиеся от кровавых мозолей распухшие ноги». Но девушку это не смущало, она бежала на встречу к незнакомой племяннице, которой тогда шёл третий годок. Детский дом с эвакуированными детьми отыскался быстро. Валентину провели в большую комнату, где тесно лежали истощённые, обессиленные ребятишки разных возрастов с высохшими, состарившимися лицами и не по-детски печальными глазами. Разбудили крошечную

девчущку с глазами, словно вишенки, одетую в красного цвета платьице в белый горошек, и та побежала навстречу незнакомой тётке: мама! С тех пор Нелличка не слезала с рук вновь обретенной «мамы». В детском доме не придали значения тому, что девочку забирает несовершеннолетняя, невесть откуда явившаяся босоногая девчонка, да ещё без документов. Возможно, воспитатели понимали, что это был единственный шанс спасти умирающего ребёнка. Их не покормили, не дали ни документов, ни платьица и туфельки, ни хлеба. Только сказали: «У нас ничего нет, дать просто нечего».

Обратный путь был сродни кругам ада. Трое суток металась на вокзале Котельнич Валентина с маленьким ребёнком на руках, пытаясь попасть на любой проходящий поезд. Спали на полу. Валя неподвижно лежала на холодном цементе в обнимку с безмолвной малышкой, согревая её теплом своего тела. Это продолжалось бы неизвестно сколько, если на них не обратил бы внимания начальник вокзала. Нелличка не плакала, она положила головку на плечо и тихо умирала. Сцепленные на шее «мамы» ручки не размыкались. Услышав историю спасения блокадного ребёнка, седовласый и невероятно уставший начальник в строгой форменной одежде обещал помочь. С большим трудом он втолкнул девушку в едва притормозивший поезд, битком набитый военными. Мужчины, одетые в солдатские шинели, поддержали по сути двоих детей: поили водой, давали кусочки хлеба, сахара и печенья из своего сухого пайка, уступили место, где удалось немного подремать. В Галич поезд прибыл поздно ночью. Было уже холодно, наступил конец октября сорок первого, начались затяжные

дожди. Дороги размыло, и разбитые ноги вязли в липкой глине. Каждый шаг приносил нестерпимую боль. Но теперь это уже ничего не значило. Ведь стокилометровый путь до Солигалича вёл к родному дому. Истощённый ребёнок, словно догорающий свечной огарочек, безжизненно висел на спине. Отдыхали на обочине раскисшей дороги. На пустующем горизонте – никого, жизнь как-будто замерла: ни машин, ни лошадей, ни людей, – кто на фронте, кто в эвакуации, а кто попрятался в домах. Полторы

недели пути пролетели как бы без памяти. Когда Валентину спрашивали, как ей удалось выжить, она отвечала, – «не помню, я только шла и шла». Стресс настолько мобилизовал организм, что девушка не заболела, даже не простудилась, только долго лечила распухшие от водянистых мозолей и гнойников ноги, которые никак не влезали в туфли. Вскоре Валя Большакова приступила к занятиям в педучилище, куда она поступила в сорок первом.

Нелличку с трудом оторвали от «мамы» и уложили спать. Малышка не разговаривала, не плакала и не подавала признаков жизни. Отпаивали ребёнка козьим молоком, кормили болтушкой из картошки и хлебом, который отрывали от двух мизерных пайков для иждивенцев. Вскоре удалось получить хлебную карточку и на ребёнка.

Мать Нелли – Антонина Сергеевна продолжила работать в полуразрушенной фабрике. После войны она получила правительственные награды, главная из них медаль «За оборону Ленинграда». Ей очень хотелось найти свою дочь, но данных нигде не было, а архивы неизвестно куда вывезены. А тут пришла похоронка на мужа, который после длительного лечения в госпитале скончался от тяжёлых ран. После снятия блокады в Ленинград стали поступать письма, получила радостное известие и Антонина Сергеевна о том, что Нелличка жива и находится у своей бабушки Анны Павловны. Антонина Сергеевна привезла дочь в Ленинград. В разрушенный город без тепла и света возвращались жители города. Постепенно открывались больницы и госпитали, школы, театры и концертные залы, пошли трамваи. Жизнь изменилась к лучшему, но по-прежнему оставалась изнуряюще голодной: пожалуй, только выросли хлебные пайки, да к ним прибавились крупы. Мать Неллички нередко увозили в больницу. Девочку вновь ждал детский дом.

Вот оно, обожжённое войной детство: недолюбленный ребёнок, выросший без кукол и игрушек, без конфет и подарков. Дети

**Анна Павловна
и Сергей Корнилович**

**Волкова
Валентина Васильевна**

блокадного Ленинграда, искалеченные душой и телом, умеют любить и радоваться каждому дню, ценить и беречь жизнь. Стойкие духом, они нашли в себе силы учиться, работать, восстанавливать любимый город, творить и созидать.

Длительное голодание в раннем возрасте приводит к тяжёлым заболеваниям. Нелли Михайловна не исключение. Но на болезни она не жалуется, терпеливо переносит выпавшие на её долю испытания и достойно несёт свой крест. И пусть долгие годы её будет сопровождать счастье, – она его выстрадала!

Война, опалённая огнём побед и пеплом поражений, коснулась и Валюшку, тяжёлым бременем прокатилась по судьбе жизнерадостной девушки, она училась, голодала вместе с матерью и племянницей и ещё двумя девушками – блокадницами, которых привезли на излечение в сорок первом. В 1944 году Валентина закончила педучилище и получила направление на работу. Через всю страну по комсомольской путёвке ехала учить ребятшек в разрушенное войной село. Ушёл на фронт и погиб её названный жених Вовка Анфиногенов. С детства ребятня дразнила их «женихом и невестой». Четыре месяца «учебки», и новоиспечённые лейтенанты шли командовать ротами. Валентина Васильевна вспоминает, что последнюю весточку получила осенью 1944 года – «завтра идём в бой»! Бой для юных младших командиров был первым и последним. Безусые лейтенанты и рядовые этого призыва из городка Солигалича погибли все до одного, не

вернулся никто. Когда одна за другой стали приходиться похороны на недавних новобранцев, город стонал от воя и плача. Война искалечила многие судьбы. Потом у Валентины Васильевны будет замужество и рождение детей, но жизнь её пойдёт совсем другим путём.

Написано со слов моей матери Волковой (Большаковой) Валентины Васильевны. Это та самая мужественная девушка Валюшка, которая так и не поняла, что совершила героический поступок в свои неполные шестнадцать лет...

Валентина Васильевна

Людочка Юхневич (Людмила Ивановна Тервонен)

Детский врач, поэт, журналист, общественный деятель, руководитель общества ленинградских блокадников в городе Сортавала (Карелия)

Людочка Юхневич родилась в 1938 году в Ленинграде в большом красивом доме на проспекте Села Смоленского Володарского района. Мама девочки Елизавета Устиновна происходила из многолетней семьи сибирских крестьян. По приезду в Ленинград окончила курсы и работала оператором на железнодорожной станции, а затем освоила бухгалтерское дело. Отец Иван Борисович – коренной ленинградец, работал инженером – строителем. Счастливый папаша был так рад рождению дочери, что сделал любимой супруге дорогой подарок – беличью шубку, шапочку и муфту. Эту шубку Елизавета

Устиновна не продала даже в тяжёлые годы блокады, увезла с собой в Сибирь и носила ещё долго после войны.

Война застала Людочку и её братика на загородном хуторе у деда Бориса, куда летом съезжалась многочисленная родня. Всей семьёй вместе с бабушкой они заторопились в город, чтобы лихолетье встретить в родном доме. Восьмого сентября 1941 года блокадное кольцо сомкнулось, связь осаждённого города с внешним миром прекратилась. Брат матери Иван сделал печурку – буржуйку, возле которой проходила вся блокадная жизнь. Елизавета Устиновна стала работать кипяtilьщицей, получала по рабочей карточке 250 гр. хлеба. Женщина вставала затемно и на саночках везла с Невы две кадушки воды, кипятила её в титане и разливала жильцам дома по два литра в сутки. Дрова заготавливала, как могла: отрывала доски от сараев, заборов, ломала мебель. Зачастую она поднималась в квартиры, в которых жильцы не состоянии были двигаться, и разносила горячую воду.

*Есть у сердца святые печали,
Их на радости не разменять:
Как в блокадном кольце
голодали,
Обречённые умирать;
Как безжалостно смерть косила
Молодых, стариков и детей;
Как, теряя последние силы,
Шли саван для близких людей.
Как заснеженный город спасая,
Сотни тысяч погибли солдат;
К нашей памяти тихо взывая,
Обелиски повсюду стоят.
Эту память живую, мы знаем,
Никогда никому не отнять!
Мы её, как священное зная,
Нашим внукам должны передать.*

Людмила Тервонен

Дети мало двигались, а больше лежали, заботливо укрытые матерью. «И всё равно было нестерпимо холодно из-за отсутствия тепла и от голода. И только обжигающий глоток воды на некоторое время возвращал к жизни», – вспоминает Людмила Ивановна. В январскую стужу девочка встретила своё четырёхлетие. На праздничном столе – всё те же кусочки хлеба и кружки с кипятком. «Настоящий праздник состоялся тогда, когда отец привёз с линии фронта кусок мороженой конины. Бабушка накрутила котлет и пожарила их на воде. Мясной аромат щекотал ноздри оставшихся в живых жильцов дома. К квартире подползали люди, бабушка каждого угостила котлеткой». В первый год блокады семья отметила новогодний праздник. На ёлочной ветке висели довоенные орехи, обёрнутые золотистыми фантиками, и засушенные конфеты. Вскоре от этой «роскоши» ничего не осталось.

Отец, работавший на строительстве госпиталей, больниц и оборонительных сооружений, отдавал свой хлеб семье и таял на глазах. Весной 1942 года он слёг и умер от истощения в новой больнице, которую сам проектировал. Ушёл на фронт и дядя Иван. Мать металась в поисках дополнительной работы и пайки хлеба. Скудного питания не хватало, голод брал своё. Понимая, что выжить в экстремальных условиях осады города семья не сможет, Елизавета Устиновна в августе сорок второго получила разрешение на эвакуацию в Сибирь. Путь предстоял нелёгкий и долгий, – сначала под обстрелом вражеских самолётов на катере «Дорогой жизни» по Ладожскому озеру. Под прикрытием авиации успешно добрались до берега, но не всем катерам удалось увернуться от бомбардировки. Людмила Ивановна пишет:

*Смутно, но помню блокадные дни.
Город за шторами прятал огни.
Тень дирижабля плыла над Невой.
Пламя пожарниц стояло стеной.
Голос сирены протяжно звучал.
Бомбоубежища тёмный подвал.
Голод и крохотный хлеба кусок,
Да кипятка обжигавший глоток.*

*Пламя котилки, буржуйки тепло...
Смерть миновала, нас чудо спасло.
Был через Ладогу страшный бросок.
Волны трепали наш катерок.
Небо гудело – шёл яростный бой.
Лётчики нас прикрывали собой.
Ужас бомбёжки, брата нитьё,
Бабушки руки, молитвы её...*

Людмила Ивановна помнит, как после переправы на берегу их кормили вкусной едой: супом с конским мясом, кашей с маслом и сухарями с чаем. Но мама не позволила детям есть досыта, она знала, что ослабленный голодом организм обилие пищи не выдержит. И действительно, с миской в руках многие умирали. А потом началась

изнурительная дорога по железной дороге в переполненных товарных вагонах, в которых раньше возили скот. Путь был мучительным и долгим, было холодно и голодно, умерших снимали на каждой станции. Семья обосновалась в Курганской области. Мать работала бухгалтером, по карточке на ребёнка давали всё те же 150 гр. хлеба в день, на взрослого – 300, голод продолжался и здесь. И тогда Елизавета Устиновна продала ценные вещи, привезённые из Ленинграда, выменяла их на пуд соли, которая была большой редкостью, за что колхоз предоставил ей тощую корову. На свежем воздухе и молочке детишки поправились и быстро набрались силёнок.

Людмила Ивановна называет ангелами – хранителями матерей блокадных ребятишек: «Мама делилась с нами скудным пайком блокадного хлеба, заслоняли собой во время налёта вражеской авиации и артиллерийских обстрелов. Материнская любовь жертвенна и беззаветна».

После снятия блокады ленинградцы заторопились домой. Стали собираться и Юхневичи, но получили отказ: – жилья не было, дома разрушены. И тогда с любимой коровой и сеном в товарном вагоне семья прибыла в Выборг к брату Ивану, вернувшемуся с фронта после ранения. Здесь корову продали и купили большую комнату в старом финском доме и швейную машинку, чтобы подрабатывать шитьём, помимо основной работы на железной дороге. «Машинка стучала постоянно, когда я ложилась спать и когда вставала», – рассказывает Людмила Ивановна. Она вспоминает, что «есть хотелось всегда, посуду можно было не мыть: мы с братом лизали сково-

родки после картошки, жареной на воде, и кастрюли после каши». Людочка с братом отвечали за отоваривание хлебных карточек и очень боялись их потерять. И однажды потеряли, спрятав, неизвестно куда. Семья с трудом пережила трагедию. Нашли пропажу уже после отмены карточной системы в 1947 году. Хлеба теперь ели вдоволь, хотя ещё долгие годы хотелось есть.

*Мы дети войны, не знали отцов,
Ни цвета их глаз, ни голосов.
Мы – безотцовщина, ласки не знали,
Так же, как матери, молча страдали.*

*Вечно голодные, летом босые.
Осенью жёлуди грызли сырые,
Кашу варили всегда на воде.
Хлеба хотелось, но к страшной беде,
Хлебные карточки часто теряли,
Плакали горько и голодали.*

*Помню, как карточки отменили, –
Хлеб и батоны охапкой носили.
Дети гуляли тогда во дворах,
Хлеба кусочки зажаты в руках.*

Несмотря на голод и неустроенность жизни, Людмила успешно закончила школу, а затем Ленинградский педиатрический медицинский институт. И всегда писала стихи. Блокадная поэзия Тервонен Л.И. правдива, полна душевной боли и мудрости. В них слышится тревожный стук метронома: тревога, тревога... И призыв к вечной памяти о жертвах блокады:

*...Долг перед павшими, живыми,
Кто защищал наш Ленинград;
Долг перед близкими, родными,
Чьи души с нами говорят...*

Люля Юхневич, 1952 г.

Работать детским врачом Людмила Ивановна приехала в Сортавала, – уютный городок, что стоит на живописном Ладожском озере, когда-то подарившем второе рождение ей и тысячам других блокадников. Как врача, её интересовало, почему блокада породила так много неординарных, талантливых, творческих личностей. И пришла к выводу, что это связано с необходимостью проявлять невероятной силы волю, выдержку, терпение, что привело к максимальному раскрытию резервов детского организма.

Людмила Ивановна трепетно и нежно поклоняется любимой Ладоге:

*Я поклоняюсь Ладоге Могучей;
Её волне, то плавной, то кипучей,
Когда её тяжёлый вал
Дробится, пенится меж скал ...*

Или:

*Туман пуховым одеялом
Прилѣг на ладожские скалы,
Закрѣл надёжно небеса;
Вблизи темнеют лишь леса ...*

Люля и Боря, 1952 г.

Лирика Людмилы Ивановны элегантная, чувственная, изящная, мелодичная, полная света, чистоты и счастья бытия; метафоры хрупкие, издающие хрустальный звон.

Вот ещё одно, растоптанное войной детство ленинградских ребятшек, когда безоблачное небо в одночасье стало облачным и грозным с бомбами и пожарами, ранениями, болезнями, гибелью близких людей, изнурительным голодом и мучительным умиранием.

«Время не властно над памятью», – говорит Тервонен Людмила Ивановна. Вечная память безвременно ушедшим – погибшим в сражениях и умершим от голода и ран в блокадном аду! И пусть невинные души детей яркими звёздочками вечно горят в небесах! И пусть оставшихся в живых пленников осаждённого города хранит Господь!

Чудом спасённая девочка Верочка

Новорождённая Верочка Васильева спаслась самым невероятным образом. Девочка родилась в день ожесточённой бомбардировки вражеской авиации.

Бомба попала в родильный дом и разрушила крыло здания, где находились палаты новорождённых. Ударной волной малышку выбросило в проём окна. Пелёнка зацепилась за ветку тополя. Девочка повисла на ветке, там её и обнаружили. Остальные новорождённые погибли. Палаты с роженицами не пострадали. Матери не знали, чей ребёнок спасся чудом. Каким огромным было счастье женщины, когда ей вручили живую, невредимую малышку! Отец Верочки Александр Иванович Васильев с первых дней войны ушёл на фронт, погиб на Невском пятачке, ребёнка он так и не увидел.

Вера Александровна Ермакова (Васильева) живёт в городе Петрозаводске, руководит обществом ленинградских блокадников. Когда её спрашивают: — что для вас блокада, она отвечает: — жизнь.

ДЕТСКИЙ ДОМ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

**Светлане Васильевне
Магаевой посвящается**

Светлана Васильевна Магаева в десятилетнем возрасте пережила блокаду Ленинграда. После войны окончила школу с золотой медалью и с отличием биологический факультет Ленинградского Университета. Защитила кандидатскую, а затем докторскую диссертации в НИИ общей патологии и патофизиологии РАМН. Жила и работала в Москве, в прошлом году её не стало. Изучала патологию нервной и иммунной систем. Является автором свыше ста научных статей и монографий, в том числе о медицинских проблемах ленинградских блокадников.

Своими книгами, работой в международных и российских организациях ленинградских блокадников Светлана Васильевна призывает помнить, что «фашизм – это величайшее зло на земле, лишивший людей самого бесценного дара – жизни и здоровья».

В неоплатном долгу перед старшим поколением считает блокадных детей Светлана Васильевна Магаева. Несмотря на нечеловеческие условия существования, блокадники сумели сохранить интеллект и человеческое достоинство. Заторможенность развития в раннем детстве не помешала в будущем достичь высот.

Доблокадное детство Светланы – светлое, радостное, безмятежное. Мама Павла Дмитриевна – учительница биологии в средней школы, окружила единственную дочь образованными людьми. Мать не скупилась на книги и билеты в театр, музеи, филармонию. Первые спектакли «Спящая красавица» и «Щелкунчик» в Мариинском театре потрясли воображение пятилетнего ребёнка. Первый художественный фильм «Руслан и Людмила» заворожил многообразием цвета, красотой главных героев и волнующей музыкой. Дома девочку окружали портреты учёных Павлова, Тимирязева, Ламарка и Кювье, а Чарльза Дарвина она выбрала себе в дедушки. Любимой помощницей – добровольной няней была филолог-пушкинист Вера Степановна. Это она открыла ребёнку удивительный мир сказок

братьев Гримм, Г.Х. Андерсена и Шарля Перро. За неимением у ребёнка собственной бабушки эту роль с удовольствием выполняла учитель русской словесности одинокая Мария Николаевна. Бывшая дворянка была изысканно вежлива и умела уважать в ребенке личность.

Не по годам развитая девочка с интересом посещала Дворец культуры, где увлечённо занималась художественным чтением, рисованием, пением, иностранными языками, особенно немецким. Порой Светлана задавалась вопросом: «Почему Я – это Я»? По прошествии времени, став известным учёным, физиолог Магаева поняла, что «природа поставила замок на ту дверь, за которой скрыт ответ на этот тревожный вопрос».

Светлана с раннего детства обострённо воспринимала несправедливость, её огорчило, когда большие дяди строго наказали музыкального руководителя Дворца культуры им. Кирова Марию Михайловну за то, что та поставила на сцене спектакль К.И. Чуковского «Мухоморок». Раздетые в Муху, Паука, Комарика, Тараканов и Жуков ребята так и не дождались Марию Михайловну на спектакль: педагога обвинили в пропаганде вредных обществу настроений и арестовали. Большие неприятности по поводу коварных замыслов Паука относительно Мухи начались и у самого автора стихотворения К. Чуковского. Горький след в душе ребёнка оставил день 1 сентября 1939 года, когда девочка с нетерпением ждала встречи со школой и «доброй волшебницей» Августой Алексеевной Тиме, к которой привязалась ещё до школы. Но встреча была короткой: первую учительницу вывели из класса на первом же уроке. Директор школы сдавленным голосом сообщил детям, что Августа Алексеевна «враг народа»: – «Было жутко, хотелось плакать. В коридорах было тихо и пустынно. Школу сковал ужас. Всех детей отпустили по домам». На другой день в класс вошла фея – Елизавета Матвеевна Коц, в которую влюбились все ребята. Светлана училась легко и одноклассников опережала в развитии. Сообразительной ученице быстро наскучило многократное повторение по слогам: «мама мыла раму». Нетерпеливая первоклассница как-то заметила: – «не слишком ли долго мама моет раму и не нужно ли ей помочь»? Ребёнка хотели перевести во второй класс, но мать на это не решилась. Чтобы отвлечь ученицу от «мытья рамы», учительница давала Светлане дополнительные задания. Но однажды Елизавета Матвеевна не пришла в школу, – в биографии учительницы усмотрели что-то опасное и отстранили от работы.

В мае 1941 году школьники и учителя расстались на летние каникулы, даже не догадываясь, что многие из них больше никогда не увидятся. Попрощалась Светлана и с Витей Прохоровым, с которым сидела за одной партой. Мальчик проявлял поистине рыцарские чувства: приносил запасной пенал с ручками и карандашами, зная о рассеянности соседки, и защищал от озорника Шурика Бурлакова, который макал в свою чернильницу Светины косички. Война и голод убили почти всех одноклассников, в том числе и Витю Прохорова... Родная школа вскоре превратилась в госпиталь, а дети, пока могли передвигаться, учились на дому у опальной учительницы Елизаветы Матвеевны.

Мама Светланы – Павла Дмитриевна первый день учительского отпуска 22 июня 1941 года решила провести вместе с дочерью на Елагином острове и вволю покататься в лодке. Но поездка не состоялась: в этот день началась война. Света никак не могла этому поверить, ведь только вчера радио сообщало, что в Германию отправлен очередной эшелон сливочного масла. Учителя собрались в школьном дворе, плакали и ждали нового сообщения из репродуктора о том, что германские войска уже разбиты. Но сообщения о победе не было, все разошлись по домам.

С первых дней блокады Павла Дмитриевна проявляла мужество и самоотверженность. Никому и в голову не приходило, что линия фронта может так быстро приблизиться к Ленинграду. Детей младших классов из летнего лагеря отдыха надо было срочно вывозить, это поручили Павле Дмитриевне. Во главе с Павлой Дмитриевной, бросив свои пожитки, дети и взрослые прибежали на станцию Валдай и столпились на платформе. Семафор подняли в ожидании воинского эшелона. Начальник станции сообщил, что поезд пойдет мимо и больше поездов не будет. Показался паровозный дымок, поезд приближался к станции: – «Мама спрыгнула с платформы и встала на

путях, раскинув руки. Кто-то из старших ребят встал рядом. Паровоз надсадно гудел и поравнялся с платформой. Машинист, высунувшись из окна, что-то кричал и отчаянно размахивал руками. Наконец нервы его не выдержали, и он затормозил. Военные выскакивали на платформу, хватали нас в охапку и бросали в открытые вагонные окна и двери. Маму тоже втащили в последний вагон». Бойцы накормили детей консервами и угощали сладким кипятком. Дети были спасены, но Павла Дмитриевна не сочла это подвигом. В осаждённом городе подвиги стали нормой жизни.

Осенью 1941 года Павла Дмитриевна уехала со старшеклассниками рыть окопы под Лугой. Но окопы не спасли. Немцы вплотную подошли к Ленинграду. Люди оказались в тисках голода и холода первой блокадной зимы 1941 года.

Павла Дмитриевна и другие учителя готовили детей к эвакуации. К школе подходили машины, под бомбами и снарядами они вывозили их к «Дороге Жизни». Учителя на распухших от усталости и голода

ногах ежедневно обходили обледенелые дома, выясняя, живы ли взрослые и дети и «отоварены» ли хлебные карточки. Когда взрослые впадали в голодный обморок или умирали, дети были обречены на смерть. Если в ближайшие дни их не обнаруживали, то спасать было бы некого, жертв блокады было бы ещё больше.

Новогодняя ёлка в канун 1942 года показалась Светлане неправдоподобным сюрпризом. Возможно, это было в голодном бреду, но кусочек хлеба, сильно пахнущий керосином, солнечный мандарин и сладкая плиточка глюкозы были настоящими. Старшеклассники – тимуровцы, впрягаясь в детские саночки, помогали педагогам привозить детей на ёлку: – «Был накрыт праздничный стол с блюдецками восхитительной пшенной каши. Мы молча лежали у елки и вдыхали смолистый аромат». А потом Дед Мороз (учитель математики) и Снегурочка (учительница русского языка и литературы) доставали из-под елки пакетики с подарками. Вскоре стало известно, что оба педагога умерли от дистрофии, как и другие учителя. Вечером перед боем курантов «мама разбудила меня, топилась печка-

буржуйка, обеденный стол был придвинут к кровати. Хлеба тогда не давали несколько дней. Никакой еды не было, только неизвестно из чего испеченные лепёшки. Но было радио, добрые голоса дикторов, журналистов, поэтов, певцов. Наше радио укрепляло веру в скорую Победу, в мирную счастливую жизнь. Ленинградское радио, как мы тебе обязаны!»

Немецкие самолеты ежедневно бомбили Ленинград, особенно Бадаевские склады, где были сосредоточены довоенные запасы продуктов. Отчаявшиеся блокадники готовили себе котлеты из газетной бумаги, листовок и прокламаций советских и немецких или завалившейся за стол обёртки от маргарина, вперемежку со жмыхом. Нередко варили желе из столярного клея. Плитка столярного клея напоминала шоколадку. Готовое варево разливали по тарелкам, и получалось желе янтарного цвета. Но уже на другой день всё тело скручивало от боли. Варили всё, что попадалось под руки: кожаные ремни, перчатки, голенища сапог.

Светлана лежала под грудой одеял и дремала, разрывы бомб и снарядов уже не пугали, чувства притупились. Однажды случилась беда: в январе 1942 года Павла Дмитриевна не вернулась с работы. На следующий день в застывшей квартире появилась учительница, обходившая дома в поисках осиротевших детей. Женщина взяла девочку на руки и отнесла в детский дом. А утром спасительницу нашли замёршей у двери этого детского дома. Должно быть, дома её ждали свои дети?

Детский дом разместился в бывшем детском садике. Велась регистрация, важная для послевоенного поиска детей. Печальные воспоминания сохранились в памяти Светланы: – «Мы всё время спали, прижавшись друг к другу, не снимая пальто и валенки. Просыпались только тогда, когда приносили хлеб и тёплую мучную кашу. Иногда кусочек мокрого хлеба посыпался сахарным песком. Эта спасительная еда позволяла выжить истощенным детям. В спальне теплилась керосинка, давая тусклый свет».

Светлана непрестанно беспокоилась о матери и надеялась, что та чудом выжила. И однажды чудо случилось: две девушки, одна из которых перед войной училась у Павлы Дмитриевны, разыскали Светлану и сообщили ей замечательную новость, что мама жива. Это они нашли замерзающую женщину с обмороженными ногами без сознания на снегу и волоком дотащили до больницы, где сами работали санитарками. Её обогрели и сделали укол глюкозы. В сознании ребёнка родилось чувство ответственности за жизнь матери, она пошла на поправку. И тогда девочка стала выбираться в госпиталь проведать мать. Светлана Васильевна вспоминает: – «Нужно было слезть с кровати, долго спускаться на «ватных» ногах по длинной лестнице, с трудом открывать тяжелую дверь, выходить в зимнюю стужу и сидеть на заснеженном тротуаре. Идти было трудно, я часто падала и подолгу лежала. Наконец поняла, что вставать не надо: легче передвигаться ползком. Иногда случалось, что кто-то помогал мне перейти дорогу или нёс меня на руках до самого госпиталя. Из детского дома я уходила после завтрака, частичку которого бережно уносила с собой в чашечке, которая была настолько мала, что помещалась в рукавичку. Там была мучная баланда с крошечным кусочком хлеба. Варёжка продырявилась, и чашка холодила ладошку. Потом мне подолгу приходилось сидеть на ступеньке госпиталя и ждать, когда случайный прохожий или санитар откроют ее. Теперь надо было задом наперед подняться на второй этаж. Мама глядела перед собой невидящими глазами и не узнавала меня, но сразу открывала рот, как только я прикасалась ложечкой к ее губам, и машинально проглатывала хлебные крошечки с мучной баландой». Оказалось, у мамы тяжелая дистрофия, может быть она еще и поправится, если не подведет обмороженная нога, которую, по-видимому, придется ампутировать. (И в самом деле, после войны началась гангрена, ногу пришлось ампутировать. Тяжелая инвалидность, коляска. Огромная сила духа позволила Павле Дмитриевне прожить после операции ещё 25 лет. Дочь за ней терпеливо ухаживала). Вскоре Светлана, потеряв остатки сил, перестала вставать с кровати и долго не знала, жива ли мама. В 1943 году в город стало поступать продовольствие, питание в детском доме улучшилось.

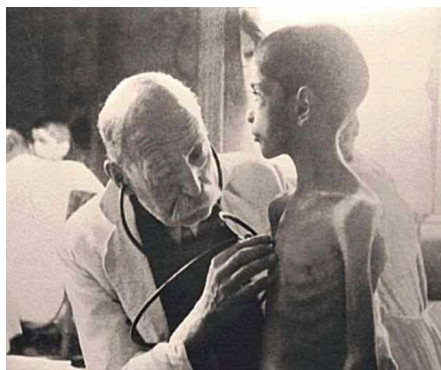
Иногда дети-дистрофики продолжали жить ради спасения умирающих родственников. Светлана Васильевна вспоминает свою школьную подругу Риту Маркову. Ритина мама опухла от голода и уже не могла двигаться. Годовалого ребёнка она не кормит несколько дней, а малыш не плачет и не просит еды. Отovarить хлебные пайки

не удаётся, еды дома нет. Тень смерти уже лежит на их лицах. Рита понимает, что от неё зависит жизнь близких людей. Надо только найти в себе силы и встать. На той стороне реки Невы стоит зенитная батарея папы, он обязательно поможет. Проваливаясь в глубокий снег, порой теряя сознание, Рита доползла до воинской части и разыскала отца. Объяснений не требовалось, отец всё понял: он отдал свой кусок хлеба и сушёную селёдку. Он донёс дочку до Невы и поставил на лёд. Девочка усилием воли поднимала себя, вставала, ползла и снова шла. Мама и брат лежали неподвижно, но ещё были живы. Рита растопила печь буржуйку и сварила селёдку... После войны блокадный синдром не отразился на Рите, она не замкнулась в себе, стала способной ученицей, увлекалась математикой и участвовала в олимпиадах.

Тревога и чувство долга за родственников удерживала ребятишек на этом свете, но многие умирали сразу после того, как те уходили из жизни. Кажется, что израненное собственными страданиями сердце не способно сопереживать чужой беде. Но это не так. Вот несколько воспоминаний Светланы Васильевны из жизни детей в детском доме.

История Оли и Серёжи. Смерть давно стояла рядом с девочкой Олей, но никак не могла оторвать её от младшего братика Серёжи. Мальчик всегда дремал и вздрагивал только от прикосновения ложечки. Оля ничего не ела и всё отдавала братику, ведь так поступала мама, когда была жива. И всё же Серёжа умер. Оленька поцеловала его в лобик, легла на кровать, вздохнула и ... умерла. Это была исполненная долга и достоинства смерть.

С нежностью Светлана Васильевна рассказывает про Таню Уткину, которая волевым усилием выжила ради младшей сестрички. Таню принесли в детский дом в полном истощении. Прозрачная девочка таяла, как свечной огарочек. Уколы с самым редким лекарством – глюкозой ставить было некуда: вены спали, а всё тело в пролежнях. Но Тане очень нужно было выжить: мама умерла, а в доме малюток находится маленькая сестрёнка, которую надо обязательно найти. Девочка цеплялась за жизнь и верила в своё выздоровление, хотя в него мало верили взрослые. Спасала девочку воспитательница, которая носила её на руках, покачивая, как младенца, и согревала теплом своего тела. Своей жизнью женщина поделилась с умирающим ребёнком. И чудо произошло: смерть испугалась человеческой воли и отступила перед чувством долга, Таня встала и пошла. Она оказалась жизнерадостной девочкой, каждому хотелось сделать для неё что-то приятное. Танечка выжила и разыскала сестричку. И тогда

каждый дистрофик в детском доме стал тешить себя надеждой: раз Таня Уткина выжила, значит и мы выживем.

В наилучшем положении была и Светлана: — «Я всё больше замерзала, не предполагая, что обе девочки рядом уже умерли... Мы знали, что скоро будет солнце и спокойное небо, новогодняя ёлка с мандаринами и детский смех,

но это будет без нас. А пока смерть выбирала самых слабых телом и духом». Подобралась смерть и к Свете, если бы не доктор Лёля. Юная студентка медицинского института доктор Лёля, не обнаружив биения сердца и дыхания в незамутнённом зеркальце, повезла девочку в покойницкую. Сознание Светланы подсказывало, что она ещё жива и что надо сказать об этом, но не было сил пошевелить губами. По пути в покойницкую студентка всё же засомневалась, она повернула каталку в медицинский кабинет, разожгла керосиновую лампу и сделала, на всякий случай, не то умирающей, не то умершей укол глюкозы, который имел чудодейственную силу.

С первым весенним теплом 1242 года стало легче, силы понемногу прибавлялись, особенно после того, как начали выдавать по половине яйца в день, вареные яйца привозили на самолетах. Дети выходили во двор и играли в песочнице. Из соседнего двора приходил играть мальчик Рудик, он приехал в Ленинград из фашистской Германии со своей мамой. Рыжеволосый и задиристый Лёнька назначил Рудика играть роль Гитлера, с которым воевала вся Лёнькина команда. «Солдаты» бегали за Рудиком с криками: «Долой фашистов!» Ребенок громко плакал и дрожал от страха. Однажды их дом подвергся яростным бомбёжкам. Мальчик погиб, а обезумевшая от горя мать бегала по дворам и звала сына. Ребята недоумевали, как немцы могли убить своего немца. Лёнька и его «армия» плакали и стали готовиться к наступлению на Берлин. Но помешала Лёнькина смерть, — он умер от истощения.

Частая боль в спине напоминает Светлане Васильевне о мальчике Алике из детского дома, эту травму она получила во время бомбёжки. Алика, закутанного в одеяльце, принёс в детский дом военный и сказал, что это Алик. Документов у ребёнка не было. Проглотив

половину яйца, долго молчавший мальчик улыбнулся и залепетал что-то очень радостное. Но однажды над детским домом завис мессершмидт. Начался обстрел. Громко грохотали разрывы, удар небывалой силы потряс здание, разбились стекла, закачался пол. Все, кто могли двигаться, спустились по лестнице вниз. Светлана осталась лежать, бежать не было сил. Про Алика в спешке забыли, а он жалобно плакал, забившись под кровать. Светлана спустилась с кровати и позвала мальчика. Малыш схватился за руку. И вдруг новый взрыв. Взрывная волна отбросила детей к стене. Резкая боль пронзила позвоночник. Алик не пострадал, но стал заикаться, повторяя одну и ту же фразу: «А-дайте-а-Алику-а-корочку-а-хлеба». После победы нашелся папа Алика, малыш оказался Александром, впрочем, ему было все равно. Отца он не помнил и встретил равнодушно. Нарастающая боль в позвоночнике напоминает Светлане Васильевне фразу контуженого малыша: «А-дайте-а-Алику-а-корочку-а-хлеба».

Сашу Байкеева Светлана Васильевна называет настоящим героем с обостренным чувством гражданской ответственности. Он пришел в детский дом на неудобных костылях, у него не было ноги. Говорили, что он попал под развалины разрушенного дома, спасая ребенка. Мальчик не плакал и не жаловался, а старался подбодрить унылых «дистрофиков», рассказывая всякие забавные истории и волшебные сказки, он молча терпел боль. Но главное отличие Сашы было в том, что он носил пионерский галстук. Его готовили к эвакуации и усиленно кормили. Саша делился своим пайком, выбирая самых слабых,

непригодных для эвакуации. Однажды пришел грузовик. Шофер и воспитатели подняли детей в кузов и увезли. А поздно вечером Саша вернулся. Что случилось? Да ничего не случилось. Он не отстал от своей группы и не потерялся. Он решил остаться в Ленинграде. Вскоре Саша ушел из детского дома, он хотел быть полезным своей стране. Дети тогда работали на заводах, но ведь у них были ноги...

Однажды в детдом привезли двух сестричек. Благополучные девочки, не затронутые дистрофией, вероятно, недавно попавшие Ленинград с родителями. Все спокойно относились к артобстрелам и воздушным тревогам, но для новеньких первый артобстрел оказался шоком: обе девочки внезапно умерли!

Большую радость доставила юной Светлане дружба с Ирмой Лившиц и Риточкой Лосевой. Светлана была знакома с Ирмой ещё до войны, они вместе занимались в кружках Дворца культуры: Ирма серьёзно занималась музыкой. Девочка напоминала едва мерцающий блокадный светильник. Её глаза под толстыми стёклами очков всегда были мокрые от слёз. Девочка таяла на глазах. Спасла Ирму дружба с Риточкой Лосевой, которая своей неуёмной жизненной энергией растормошила многих, хотя и была истощена голодом и страдала от цинги. Она была дочерью погибшего легендарного летчика Леона Лося. Риточка хорошо читала стихи и писала свои весёлые стихи. Ирма ожила, высохли слезы. Общество этих девочек стало для Светланы целительным, она вновь научилась радоваться жизни.

Светлану поразил поступок подростка Дениса Давыдова, которого привели в детский дом летом сорок второго. Каждый мог обидеть хорошо воспитанного, интеллигентного мальчика, ребята его задирали, а он не умел постоять за себя или пожаловаться воспитательнице. Однажды у Дениса пропал брючный ремень, что доставляло большие неудобства. Страдания мальчика усилились после того, как стало известно, что он – потомок героя Отечественной войны 1812 года, поэта и партизана Дениса Давыдова. Об этом с гордостью рассказала воспитательница Варвара Александровна Бушкова, дворянский род которой пересекался с генеалогическим древом славного рода Давыдовых. Его вечно сползающие брюки и оттопыренные уши были главным предметом насмешек. Но однажды у него появился ремень. Выяснилось, что подросток выменял ремень у кого-то из мальчишек за несколько кусочков сахара, который копил много дней. Да, это поистине героический поступок.

Однажды ночью Светлана проснулась от страстного шёпота. Это Варсанна, так дети называли любимую воспитательницу Варвару

Александровну, стояла на коленях, протянув руки в раскрытое окно и шептала слова молитвы. Она просила у Господа чудесного спасения и возвращения с войны живым и невредимым её единственного сына, который без вести пропал ещё в начале войны. Нечаянно подслушанная молитва запомнилась и вскоре обросла просьбами о спасении мамы, подруг и воспитателей, о скорейшем окончании войны. Светлана тщательно выговаривала слова молитвы, чтобы Он хорошенько услышал, ведь мир велик, а у Бога и так много других забот. Варсанна остерегала девочку от потребительского отношения к религии, предупредив, что не стоит беспокоить Его по пустякам, а только в особо важных случаях.

Сильное впечатление на детей и взрослых детского дома произвёл мальчик Саша, которого весной сорок второго года привезли тяжело раненым. У кровати поставили костыли, но как ими пользоваться, если нет руки и ноги? Мальчика обнаружили во время артобстрела возле детских саночек, на которых Саша вёз умерших мать и младшего братика, зашитых в простыни. Раны доставляли ему нестерпимые страдания. Жизнь пострадавшего ребёнка висела на волоске, и однажды этот волосок оборвался. Смерть героя настолько потрясла детей, что всем захотелось идти на фронт и отомстить за Сашу.

Безымянные дети появлялись в детском доме почти каждый день. Их приносили и приводили с улиц, где они лежали возле умерших матерей, или из опустевших квартир. Истощённые сироты молча лежали на кроватях и, кажется, не дышали. Они лежали в голодной коме. Многие так и умирали, не понимая, что ещё недавно были живы. В морозную зиму 41/42 годов смерть собирала свою скорбную дань особенно яростно.

Ежедневным подвигом был труд работников детских домов. Они спасали от голодной смерти ценой своей жизни. Светлана и многие дети не умерли благодаря их бескорыстному служению делу спасения будущего поколения ленинградцев. Ампулы с глюкозой, которых было очень мало, вкалывали самым ослабленным – многих это спасало от смерти, и дети воскресали на глазах. Однажды в детский дом пришла Ольга Николаевна Симановская. Светлана знала ещё до войны эту весёлую учительницу. Её любили мальчишки, ведь она играла с ними в футбол. Блокадной зимой 1942 года в детском доме оставались истощённые голодом девочки и мальчики, не пригодные к эвакуации. Подняв светомаскировочные шторы, новая воспитательница объявила бодрым голосом, что все будут делать зарядку. Дети вяло подумали, что она не в себе и пусть сама делает свою зарядку. Но

оказалось, что зарядка вполне по силам. Надо было повторять слова её стихов: «Январь пережили, февраль переживем, а в марте запоем». Первый день все молчали. На следующее утро она весело подала свою команду: «Дети, на зарядку!», несмотря на то, что за ночь несколько кроватей опустело... Постепенно к ней привыкали и стали вторить ей нестройным хором. Но однажды воспитательница не пришла: – она упала на улице в голодный обморок и уже не встала. На следующее утро девочки скомандовали: «На зарядку!» и все хором стали повторять ее оптимистическую присказку. Но в марте было так тяжело, что дети «не запели». Кто-то догадался изменить слова, и все тихо проговаривали: «Март пережили, апрель переживем, а в мае запоем». Но и до мая немногим удалось дожить. Ежегодно 27 января Ольгу Николаевну с благодарностью вспоминают детдомовцы, пережившие блокаду, и повторяют её стих-зарядку: «Январь пережили, февраль переживем, а в марте запоем».

Баня была настоящим праздником. Однажды воспитатели организовали детям баню. Истосковавшиеся по чистой воде дети радостно окунались в таз, в котором кишели полчища насекомых. Воспитатели торопились помыть детей, ведь в любую минуту могла начаться воздушная тревога. Дети старались сберечь каждую каплю теплой воды. И вдруг чисто вымытая Света поскользнулась и упала, радость чистоты исчезла. Свои два тазика воды были уже израсходованы. Слезы обиды душили её. И вдруг одна девочка почерпнула из своего тазика ладошку чистой воды и плеснула на Светлану. На помощь поспешила другая, третья. А потом все стали смеяться и шлёпать ладошками по воде, поднимая фонтаны брызг. Это был первый детский салют победы. Счастливая Светлана получила крошечные пригоршни драгоценной воды, море счастья и океан доброты.

Чтобы спасти будущее поколение ленинградцев, надо было любой ценой вывезти малышей в глубокий тыл. Эвакуация стала для многих тяжёлым испытанием. Но в городе оставаться ещё опаснее.

Весной сорок второго года Павла Дмитриевна пришла в себя, немного окрепла, вновь научилась ходить и получила направление на работу в детский дом № 30, где находилась её дочь. Женщина стала готовить детей к эвакуации. По дороге к причалу она отстала, – несла на руках двухлетнего ребёнка, да и другие малыши цеплялись за подол. Все спешили к пароходу, который готовился к отплытию. Светлана на время потеряла мать из виду. К счастью, всё обошлось. Транспорт с детьми жестоко бомбили, но прямых попаданий не было, и все благополучно добралась до Большой Земли. Потом пересели в

поезд, где Павле Дмитриевне стало совсем плохо. Внезапно в небе показались вражеские самолеты, и поезд ускорил ход. В суматохе о больной женщине забыли и не высадили на ближайшей станции. Добравшись живой до назначенного места, Павла Дмитриевна приступила к обязанности воспитателя в группе самых ослабленных дистрофией детей.

Война закончилась, Павла Дмитриевна с дочерью вернулась домой. Наступили счастливые послеблокадные дни. Ослабленные, пострадавшие в военное лихолетье дети радовались возрождению к жизни. Светлана вернулась в родную школу. Несмотря на пережитое, девочка отлично училась, много читала, в Эрмитаже посещала кружок для одарённых детей, увлекалась историей искусств. Но на уроках немецкого языка заскучала: она до войны увлекалась языками, ей знакомы были английский, французский, особенно немецкий. В «наказание» учительница загрузила Светлану заучиванием наизусть стихов Гёте, Шиллера, Гейне. Вскоре знание иностранных языков пригодилось в работе: на международных научных симпозиумах она читала доклады на разных языках.

После уроков школьники разбирали руины на улицах родного города. Вместе с ними работали истощённые пленные. В тряпье и обмотках они выглядели жалко, натужно кашляли, обмороженные руки покрылись язвами. На первый взгляд кажется странным, но не-

нависти к немцам у детей не было, а жалость переросла в сострадание. Школьники и сами были не в лучшем состоянии, но дети трудились добровольно, а немцы работали по принуждению, разбирая завалы, которые сами же и устроили. Ребятишки потихоньку подкармливали пленных кусочками хлеба!?

Десятиклассница Светлана иногда заменяла заболевшую маму, которая преподавала биологию в школе рабочей молодёжи. Подростки целый день работали, а вечерами учились, навёрстывая упущенное. Почти у всех умерли мамы, у многих отцы не вернулись с фронта. Здесь учились «рано повзрослевшие дети с обострённым чувством ответственности за судьбу осиротевших семей. Все они обладали

крепкой волей, и все они были нездоровы, неся следы блокады». Ко всему привыкшая «юная учительница» с косичками и в школьной форме, не удивилась, когда в класс привозили ученицу в коляске без обеих ног. А случилось несчастье во время бомбёжки, когда девочка с мамой спустилась в бомбоубежище. Здание рухнуло, погибли многие, погибла и мама. В школу девочку привозил вернувшийся с фронта отец, он терпеливо ждал, когда закончатся уроки. Школу посещали израненные душой и телом ребята, многие передвигались на костылях, но учились старательно.

Глубокий ум, хорошие знания и широкие интересы позволили Светлане закончить школу с золотой медалью и поступить в Ленинградский университет на биологический факультет. Но блокадное нездоровье постоянно напоминало о себе: – «не было ощущения молодой светлой радости. Не было ни туризма, ни балов, ни морозной свежести лыжного бега, ни ощущения полёта на катке». Приученная с детства к напряжённому труду, Светлана усердно училась, а после лекций увлечённо работала в лаборатории, собирая материал для дипломной работы. Серьёзно заниматься биологией в смутные 50-е годы было непросто: начались гонения на генетику. Строптивая студентка открыто выступила в защиту «продажной девки империализма» и чуть не лишилась диплома. Но ей повезло: – большое усердие, одарённость и способности были замечены педагогами; она не только успешно закончила институт, но и с именной путёвкой академика Сперанского поступила в аспирантуру в Москве. Учёба в аспирантуре была напряжённой. Обозревать московские красоты некогда, всё время уходило на проведение изнурительных опытов на крысах.

Руки лаборантки были искусаны крупными крысами, которых «кормили на убой», – на перчатки денег не было. После защиты кандидатской диссертации по-прежнему опыты на крысах, лягушках, кроликах. После защиты докторской диссертации ей присвоено звание доктора биологических наук.

Успешные эксперименты в области патофизиологии всегда приносили радость «от полёта мысли и озарения», этим Светлана Васильевна счастлива. До последнего дня она самозабвенно служила науке и работала в институте своего первого учителя академика А.Д. Сперанского, который когда-то учил её «постараться не только многое узнать, но и многое суметь».

Светлана Васильевна вспоминает интересную историю о том, как однажды на симпозиуме, посвящённом изучению болезни Паркинсо-

на, после деловой части к русской делегации подошёл немецкий учёный-невролог и попросил прочесть из «Евгения Онегина» письмо Татьяны. Пожалуй, немногие из нас помнят школьную программу по литературе. Но Светлана Васильевна не растерялась и с удовольствием прочла наизусть. А потом читала по памяти стихи Пушкина, Лермонтова, на немецком Гёте, Гейне, Шиллера, чем вызвала удивление присутствующих.

Блокадная память жестока, – размышляет Светлана Васильевна. Прошло много лет, а блокадники содрогаются от рёва самолёта, в страхе ожидая свиста бомбы и грохота взрыва. Многие лишились радости материнства и отцовства ввиду гормонального неразвития. И всё же память сохранила хорошие воспоминания о детстве: – «Моё поколение не было забытым. Сейчас принято полагать, что у советских детей не было счастливого детства. Дети были счастливы, если их родители не были репрессированы. Но большинство детей не знали о репрессиях, и ничто не омрачало их жизнь».

Оптимизм и надежда, выстоять и победить, – таково мироощущение Светланы Васильевны, женщины, детство которой омрачила война и трагедия великого горя. Светлана Васильевна искала истоки великого российского оптимизма в состоянии, когда потрясены основы жизнедеятельности организма. И нашла разгадку «в мужестве, стойкости и беспредельной душевной щедрости, которые помогли блокадным людям сохранить человеческое достоинство в самой запредельной за гранью жизни ситуации, в которой когда – либо оказывались люди. Блокадники выживали ценой волевого усилия на грани жизни и смерти. Нет, не оскудеет Россия на добрых людей, умеющих сочувствовать и переживать. Всю жизнь я прожила среди них».

При работе над очерком использовались книги Магаевой С.В.: «Блокадные люди», «Этюды оптимизма», «Психологическая общность ленинградских блокадников», «Блокадные дети» и др.

БЛОКАДНЫЕ МАТЕРИ

**Посвящается
блокадным матерям,
благодаря жертвенному подвигу
которых были сохранены
жизни детей – поколение
будущих ленинградцев.**

**Написано по воспоминаниям
детей блокады**

«Самым замечательным воспоминанием была сказка, которую рассказывала мама, – вспоминает житель блокадного Ленинграда, потомственный моряк, подводник, капитан I ранга Валерий Фёдорович Касатонов, – сказка была про пшённую кашу, которую мама наварит, когда кончится война. Каши будет так много, что, если кто захочет добавки, то он её получит. Сквозь сон я – младший, спрашивал, а если я захочу второй раз добавки, хватит ли каши? Конечно, хватит, – говорила мама, целуя детей, а у самой из глаз текли слёзы. Это была самая лучшая в мире сказка. Мы засыпали «сытые» и спокойные под равномерный стук метронома, доносящийся из включённого громкоговорителя. И даже когда ночью раздавался сигнал воздушной тревоги, мы не бежали в бомбоубежище, а спокойно продолжали спать. Ленинградцы привыкли к опасности. Кругом

На предвоенном фото отец Касатонов Фёдор Афанасьевич, моряк, погиб во время войны, братья Виктор и Валерий, мама Надежда Алексеевна

было столько горя и страданий, что даже возможная смерть их не страшила. При воспоминании перехватывает дыхание и непрошенная слеза катилась по лицу. Только сейчас, когда мамы нет рядом, начинаешь понимать величие подвига, который она совершила», – пишет Валерий Фёдорович в книге «В памяти сердца». Валерий Фёдорович с благодарностью вспоминает детский садик на углу улицы

Желябова и Невского проспекта: пока матери работали, «добрые» воспитатели кормили детишек супом из овсяной крупы, делали уколы, пели песни, в том числе только появившийся Гимн Советского Союза, обливали водой из лейки и заставляли загорать, а сразу после войны отвезли за город на природу. В детской памяти остались страшные воспоминания о кишащих в городе крысах размером с откормленную кошку, с которыми воевала мама, животные жили в одних квартирах с живыми и мёртвыми.

Касатонов Валерий Фёдорович

Валерий Фёдорович удивляется, как могли потомки готов, Шиллера и Гёте устроить нам средневековый ад?

В блокадном Ленинграде не было чужих детей. Женщины – матери, работавшие в детских домах и яслях, больницах, госпиталях, школах, сандружинницами на улицах и в промёрзших домах, служившие в войсках ПВО, – делали всё, чтобы спасти детей в осаждённом Ленинграде. Число мальчиков и девочек, оставшихся без родителей, росло с каждым днем. Детских домов, которые могли приютить всех сирот, не хватало. И тогда появились приёмники – распределители, куда женщины приносили и приводили ребятишек, обнаруженных в пустующих квартирах и на улицах. Мужество ленинградских матерей проявилось в жертвенной заботе о детях.

Выжили не все, тысячи людей умерли, не выдержав голода, холода, информационной тишины, когда подолгу молчало радио, постоянной тревоги и страха за безопасность своих близких. Но оставшиеся в живых жили достойно, несмотря на нечеловеческие условия существования, и выстояли. Дети города-фронта были спасены.

Это рассказ о трёх подругах и их героических матерях. «Если бы не родители, если бы не наши мамы, то дети не выжили бы в блокаде», – рассказывает Алла Юрьевна Платонова, пережившая ребёнком всю войну от начала и до конца в блокадном Ленинграде. Её горячо поддерживают давние подруги Галина Алексеевна Михайлова и Любовь Георгиевна Соловьёва (Захарова). «Мы часто встречаемся «за рюмкой» чая, чтобы вспомнить о своём детстве, помянуть наших

*Галя Михайлова с мамой
в дни блокады*

*Мама Галины –
Анна Ивановна Михайлова*

родителей. Отцы ковали победу на фронте, все заботы о детях легли на плечи матерей. Хлеба давали мало, и мамы выпаривали клей из стульев.

Варили суп из вонючего столярного клея и кусочков кожи от ремешков, из древесных опилок. Этот студень сверху заливался олифой. После такого ядовитого обеда нестерпимо болело всё. С наступлением весны 1942 года мы радовались каждой травинке. Ели молодые листья клена, липы, варили щи из мокрицы, одуванчиков и корней лопуха. Наши матери были донорами, за сданную кровь они получали дополнительный паёк хлеба. Вспомнить страшно и забыть нельзя», – вспоминают блокадницы.

Многие блокадники так и не поняли, что были настоящими героями. Каждая женщина – мать совершала ежедневный подвиг. «Дети для едва живых матерей – это дополнительная всё поглощающая забота, отнимающая последние силы, – рассказывают женщины, – самое страшное для матери – выбирать, кого из них спасать. Скучного пайка на всех не хватало, хлеба выдавалось все меньше и меньше, иногда норма доходила до ста грамм в день, а иногда и совсем не выдавалась, тогда пункты раздачи закрывались. Однако наши родители обладали такими качествами, которые не проявляются в мирные времена: чувство долга, самопожертвование, героизм, который родители называли вынужденным. Это и помогало сохранить жизнь ребёнка и матери. Родители давно ушли из жизни, –

вспоминают подруги, – но мы бережём память о них, чтобы знали и помнили наши внуки и правнуки».

– Вы с большой гордостью и благодарностью рассказываете о своих родителях, о матерях. Что беспокоит вас сегодня в отношениях современных родителей и детей? – Блокадницы с горечью говорят: «Неужели надо человека ставить в такие нечеловеческие условия, которые создала война, чтобы родители поняли, что убивать и бросать своих детей нельзя? Мы хотим, чтобы взрослые никогда не позволяли себе издеваться над детьми, предавать и манипулировать ими в своих собственных интересах».

Дети блокады дорожат своей семьёй, дружбой. Им есть, что вспомнить. У блокадников много общего в жизни и тогда и сейчас: многие до сих пор трудятся, путешествуют по всему свету, с удовольствием посещают разные курсы. Война наделила их типичными заболеваниями, вызванными длительным голоданием: стрессом, дистрофией, цингой. Многие не смогли иметь детей. Но они крепко держатся за жизнь и готовы, не скупясь, поделиться своей стойкостью и выдержкой. Откуда столько оптимизма и жизненных сил? Они умеют радоваться жизни, как дети.

Галина Алексеевна Михайлова родилась в первые дни войны 14 июля 1941 г. в Ленинграде, а через месяц погиб на фронте отец Алексей Михайлович Михайлов. Мама, Анна Ивановна, осталась одна в блокадном Ленинграде с младенцем на руках. Молодую женщину после окончания школы медсестёр направили работать в детскую поликлинику и в детский дом. Малышку Галочку она оформила на круглосуточное содержание в ясли – сад. Во время очередного налёта вражеской авиации бомбы попали в детский сад и в дом по улице Вакуленчука Петроградского района, где жила семья Михайловых. В детском саду погибли все дети, а из яслей успели вынести несколько малышей, в том числе и Галочку Михайлову. Счастливая мама получила из рук нянечки чудом спасённую дочурку. Но жить стало негде. Перебивались, как могли. Вскоре семья получила опустевшую квартирку в полуразрушенном доме по улице Ольгина на Крестовском острове, где и прожила всю войну. Анна Ивановна не любила рассказывать о блокаде, – слишком тяжелы воспоминания. Более 34 лет она проработала с детьми. Дослужилась до должности старшей медсестры и, обладая талантом педагога и воспитателя, выпустила несколько поколений медсестер. Награждена медалями: «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд», значком «Отличник здравоохранения». До конца жизни Анна Ивановна не оставляла любимую работу.

«Первое послевоенное время, – вспоминает Галина Алексеевна Михайлова, – было самым радостным: закончился голод, появился свет и вода, пошёл транспорт, открылись театры и музеи. С большими надеждами наши родители – герои – победители смотрели в будущее. Вот теперь – то, вдоволь наевшись любимой картошки жареной, да с лучком, о которой мечтали всю войну, приведут в порядок своё жильё, город, свою страну, и наступит счастливая жизнь. Но оказалось: не всё так просто. Многие годы после войны правда о блокаде замалчивалась, говорить о голоде, дистрофии, цинге, о страданиях на годы изолированных от страны ленинградцев было запрещено. Отношение к блокадникам было, мягко сказать, не оцененным по достоинству. Это теперь заговорили, что такой долгой блокады ещё не бывало в мировой истории, и что блокадники – герои. А тогда всё было не так. После войны разбирать завалы и восстанавливать разрушенный город со всей страны приехали рабочие, строители, инженеры. Их обеспечивали жильём и продовольствием. Возвращались в прежние квартиры и бывшие хозяева. Блокадников стали «уплотнять», переселять в коммунальные квартиры, в которых многие живут до сих пор, а кто-то вообще остался без жилья. Всё это вызывало недовольство. Чиновники не осознавали, какую высокую плату – ценою в жизнь, заплатили жители и защитники за спасение осаждённого города. Иначе, просто некуда было бы возвращаться и нечего восстанавливать. Героизм наших родителей несправедливо замалчивался, и это оставило в их сердцах большую обиду», – с горечью говорит Галина Алексеевна.

После войны появились новые проблемы: долгая война, разлука, потеря близких сильно изменили людей. С большими душами, физическими и душевными ранами и увечьями победители долго не могли отвыкнуть от войны. Научившись самоотверженно работать для фронта и хорошо воевать, они зачастую не могли найти своё место в мирной жизни. Некоторые лечили души спиртным. Дети на себе испытывали послевоенный синдром своих родителей. Но это не мешало им оставаться жадными до романтики, познания мир, блокадники до сих пор полны веры в светлое будущее своей страны.

Блокада снята, война закончилась, детям пора собираться в школу. Но что – то с неохотой вспоминают подруги Алла, Галина и Люба свои школьные годы. Почему? А потому, что слишком заметным было их отставание в физическом развитии. Переболев блокадными болезнями, с потерей зрения, слуха и речи, истощённые, они сильно отличались от приезжих ребятишек. «Есть хотелось всегда, ещё долго

Школьные подруги Галина Михайлова и Люба Соловьёва

после войны – вспоминают блокадницы, – и мы думали о хлебе больше, чем об учёбе. Состав классов был разношерстным. Школьной формы тогда не было, все приходили в школу, кто во что одет, и кто как сыт. Девочки и мальчики тогда учились отдельно и, тем не менее, благополучные дети «вычисляли» слабых и не упускали случая посмеяться над ними. Галю Михайлову называли «мертвой душой». С не оттаявшими от ужасов войны душами, «заторможенные» блокадные дети плохо воспринимали учебный материал и подчас не справлялись с домашними заданиями. Бессловесные, запуганные дети и дома не могли пожаловаться на обидчиков. И всё же, школу все благополучно закончили и получили аттестаты. А потом бывшие школьники начали работать, одновременно обучаясь в ВУЗах. И следа не осталось от «заторможенных мёртвых душ».

Галина Алексеевна Михайлова устроилась работать в ЛОМО (ленинградском оптико – механическом объединении), здесь она получила путёвку на обучение ЛИТМО (ленинградский институт точной механики и оптики), стала инженером. А потом активно занялась спортом, как будто и не было блокады, не было войны: велосипедным, альпинизмом, байдарками, а лыжам отдала всю жизнь, стала старшим инструктором. Подвижная, активная, она увлекается туризмом, много путешествует по нашей стране, любит

зарубежные поездки. Открытая и доброжелательная, Галина Алексеевна легко находит контакт с людьми.

Третья подруга – Любовь Георгиевна Соловьёва (Захарова) родилась в августе 1941 г. У Марии Семёновны и Георгия Васильевича Соловьёвых уже был сын Володя. Любочка стала четвертым членом семьи. Отец перед самой Великой Отечественной вернулся с другой кровопролитной войны – финской. И снова мобилизация. Всю Отечественную он воевал на Ленинградском фронте механиком в танковой дивизии. В конце сентября 1941, когда началась блокада, мама с двумя детьми собралась эвакуироваться. На Московском вокзале тысячи людей неделями ждали поезда. Пассажирские поезда почти не ходили, поскольку постоянно подвергались налётам вражеской авиации. Вдруг началась бомбежка. Вокзал был разрушен, много людей погибло. Но Соловьёвым повезло: остались живы. Они вернулись обратно домой. Марии Семёновне удалось, как кормящей матери, устроиться работать в лётной воинской части посудомойкой. Детей она «баловала» остатками еды из чужих мисок. «Пиром во

Люба Соловьёва с братом Володиёв во время войны

время чумы» были картофельные очистки, листья капусты и горькие «горелки» – подгоревшие в котле корочки, которые приносила мама и которые сохранили им жизнь.

Братик Володя нянчил грудного ребёнка, успокаивая малышку соской из сухарика, завёрнутого в марлю, сам с трудом сдерживая щемящий голод. Мама с сыном ходили за водой к проруби у Тукового моста. Володя был настолько слаб, да и мал, что нередко падал, опрокидывая ведро, мама терпеливо вновь занимала очередь и снова набирала воду. Она понимала, как трудно сынишке переносить блокадное лихолетье, да ещё и нянчить сестрёнку. Володе пора было идти в школу в первый класс. И тогда мама устроила

Любашу в ясли. Однако не прошло и двух недель, как девочка тяжело заболела, и Володя вновь стал терпеливой няней.

Отец Любы и Володи – Георгий Васильевич с оказией отправлял семье с фронта немного спирта, который выдали военнослужащим ежедневно по 50 граммов. «Как-то удалось обменять «драгоценную валюту» на кусочек студня, но съесть его не пришлось: обнаружили человеческие ногти, пришлось всё выбросить. В дни блокады участились случаи людоедства», – рассказывает Любовь Георгиевна. Выдержать изнурительный голод на протяжении двух с половиной лет, когда кроме кусочка хлеба – ничего, смог не каждый. Был и другой случай. Однажды Володя почувствовал, что кто-то его преследует. Обернувшись, мальчик увидел обезумевшую женщину с топором. С трудом удалось убежать. Все были напуганы. В начале войны мамы оставляли малышей дома одних, уходя на работу или за водой, двери тогда никто не запирали. Но теперь стали остерегаться.

Женщины на разгрузке леса

Подруги вспоминают, что матери посылали отоваривать хлебные карточки подростков, а те иногда теряли их, либо драгоценные документы у детей вырывали из рук. И тогда семья была обречена на изнурительный голод. Такая участь постигла и Соловьёвых. Однажды Володя не заметил, как исчезли карточки. Мальчик вернулся домой ни с чем. Мама его не ругала, она понимала, что на ребёнка свалилось слишком много взрослых проблем.

Школьный урок в блокадном Ленинграде

В школу Люба Соловьёва пошла позже своих сверстников. А случилось так: гуляя как-то во дворе, девочка отломала грязную сосульку от водосточной трубы, как это любит делать детвора, и с удовольствием её съела. Такое баловство не прошло бесследно: Любаша заболела деформирующим полиартритом. Вылечить и даже установить диагноз долго не удавалось. Мама спасала ребёнка, как могла, а потом целый год носила дочку на руках в школу: туда и обратно. Папа Любы Георгий Васильевич вернулся с фронта живым, многие годы работал механиком по ремонту машин и содержал семью. Мама Любы посвятила свою жизнь заботе о дочери, поскольку девочка так и смогла оправиться от болезни, была худенькой и слабенькой. И всё же Любочка сумела успешно закончить школу, потом училась в архитектурно-строительном техникуме им. Штиглица: известного архитектора и мецената, который когда – то устраивал в своей мастерской выставки творческой молодёжи. Любовь Георгиевна Соловьёва (Захарова) нашла себя в профессии архитектора-проектировщика и до сих пор востребована, проработав по специальности более 50 лет. Она участвовала в крупных проектах: гостиница «Прибалтийская», «Русь», в восстановлении жилых домов у Львиного мостика, всесоюзного пионерского лагеря «Орлёнок», «Океан» во Владивостоке и многих других. Любовь Георгиевна вырастила двух сыновей, помогает воспитывать внуков.

Брат Любы – Володя после окончания школы поступил в военное училище на минно-торпедный факультет, затем служил морским офицером на Черноморском флоте в городе-герое Севастополе. Блокада не пощадила Владимира Георгиевича, он рано ушел из жизни тяжело больным человеком. Нежно любимый брат был самым близким человеком для Любы.

Любовь Георгиевна Соловьёва (Захарова) бережно хранит драгоценную реликвию времён войны – алюминиевый портсигар, сделанный руками её отца. На лицевой стороне крышки в овальной рамке вставлена фотография жены Марии Семёновны, а на обратной стороне вычеканена легковая машина тех времен. В этом портсигаре папа держал папиросы «Беломорканал», которые курили тогда мужчины.

Такова история трёх подруг – героических женщин. Героических – не только потому, что, будучи малышами, они вместе с мамами имели мужество бороться за жизнь и выжить. Потому, что потом сами стали замечательными мамами. А ещё потому, что всю жизнь преданно служили во благо своего родного города и своей страны. Они и по сей день полны жизненных сил. Не безразличные к будущему нашей страны, блокадницы неустанно делают всё возможное, чтобы следующие поколения людей помнили о мужестве жителей и защитников многострадального Ленинграда. Они являются членами международной ассоциации блокадников, состоят в добровольном обществе блокадников города Ленинграда. Это общество ведёт большую просветительскую работу, переписку с блокадниками из других городов, борется за их права, организует встречи по случаю памятных дат, посещение театров, экскурсии, поездки в другие страны на международные встречи, ведь много блокадников теперь живёт за рубежом, оказывает помощь нуждающимся в уходе и многое другое.

Что бы вы пожелали тем, кто никогда не знал войны? – «Люди, будьте бдительны! Берегите мир!» – ответили словами Юлия Фучика бывшие блокадницы.

Использовались: фото из открытых источников, фото из личных архивов семьи Платоновых, Михайловых, Соловьёвых